

ГУМАНИТАРНОЕ АГЕНТСТВО

СОВРЕМЕННАЯ
ЗАПАДНАЯ
РУСИСТИКА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»

ЕВГЕНИЙ ДОБРЕНКО

ФОРМОВКА
СОВЕТСКОГО
ЧИТАТЕЛЯ

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
РЕЦЕПЦИИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

83. 3 (2)7
Ш 5 (2)7-3

Председатель редакционной коллегии
серии "Современная западная русистика"
доктор филологических наук
Б.Ф.Егоров

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
СОВЕТСКОГО
ФОРМОВКА

ISBN 5-7331-0083-4

© Добренко Е., 1997
© Гуманитарное агентство, "Академический проект", оформление, 1997

Памяти Степана Петровича Ильева

...Телегою проекта
нас переехал новый человек

Осип Мандельштам

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга посвящена рассмотрению социальных и эстетических предпосылок рецепции соцреализма и значит, анализу нового горизонта чтения. Такой горизонт есть продукт взаимодействия литературы и читателя, он фиксируется не только в системе читательских реакций, предпочтений, оценок, но и в самих соцреалистических текстах, во многом ставших продуктом читательских интенций. То что в советских условиях этот процесс взаимодействия протекал в строго проложенном русле вполне определенной стратегии власти по отношению к литературе и чтению, заставляет обратиться к анализу как самой этой стратегии, так и ситуации чтения в самых различных их проявлениях. Новая перспектива чтения, сформированная в советской культуре, не может быть осмыслена ни только с позиции литературы (здесь мы видим уже результат), ни только с позиции читателя (здесь мы видим только предпосылки), но лишь на пересечении их путей в проекции Третьего — власти и ее интенций. Говоря о новой перспективе чтения, ее рождении и исчерпании, мы имеем в виду специфичность именно советской ситуации чтения: она была преодолением прежних форм взаимодействия между литературой и читателем, но в то же время и отличалась от схожих и параллельных ей форм отношений между массовой литературой и массовым читателем: массовый читатель и массовый вкус есть необходимое, но далеко не достаточное условие для рождения феномена, подобного соцреализму. Есть некий “осадок” — то, что и сообщает специфичность именно соцреалистической культуре. Этот “осадок” имеет много измерений (социальное, эстетическое, институциональное и др.), представляющих для нас в этой книге первостепенный интерес. Несомненно, что каждое литературное произведение отражает определенную культурную атмосферу, и не просто “территориально” принадлежит сфере культуры, но в принципе возможно как явление постольку, поскольку пронизано сознанием времени и социальной среды, к которым принадлежат автор и реципиент. Читатель — прежде всего — дает литературному произведению жизнь в новом времени. Он *пересоздает* художественный текст, который перестает быть равным времени своего создания и самому себе.

Однако, что значит эта самодостаточность текста, который без читателя — лишь “знаковая система”? Разумеется, самая возможность бесчисленных интерпретаций обусловлена бесконечными системами знаков внутри произведения и постоянно совершающимся их переакцентированием. Отсюда — расслоение литературной критики — социологической, символической, психоаналитической, стилистической, лингвистической. Однако за пределами этого расслоения существует не просто

возможность — необходимость выявить ценности, обуславливающие этот процесс пересоздания текста. Эти ценности подобны *аксиологической тени критических доминант*. Реципиент, так же как и автор, и художественный текст, может и должен быть объектом критики — также, по необходимости, — социологической, символической, психоаналитической, стилистической, лингвистической — критики читательской реакции.

Эта книга менее всего претендует на некую историю чтения в советское время. Это и не история становления советского читателя. Это история *формовки читателя* по преимуществу *советской художественной литературы*. Пользуясь известным определением Х.Гюнтера, *история "огосударствления читателя"*. Подобно тексту, читатель не живет в историческом вакууме. Социальное пространство читателя, то, что здесь определяется как *ситуация чтения*, было в советское время исключительно напряженным. Это обусловлено самим характером советского времени — эпохи величайших трансформаций, периода колоссальной социо-культурной динамики, сильнейших напряжений и реакций, определивших как характер социальных связей, так и характер новых культурных форм. Институт литературы не может быть осмыслен вне и помимо института чтения. Это, разумеется, верно для любой эпохи. Для советской — в особенности. Институт литературы, вся история его становления, характер трансформации в революционную и советскую эпохи говорят о том, что он призван был выполнять и выполнял существенные политико-идеологические функции в общей системе деятельности власти по преобразованию, перековке и, наконец, созданию нового человека. Таким был, по крайней мере, проект этого института.

Другое дело, в какой мере эти цели могли быть достигнуты "в отдельно взятой стране". Институт литературы должен быть сопряжен с институтом читателя. Только в этом случае культурная цепь замкнется и мы сможем увидеть, как различные социальные слои, находясь в невиданной в досоветской истории динамике, не просто читали, но *творили* новую культуру. Вряд ли социология чтения сама по себе в состоянии раскрыть всю пестроту, динамичность, разноуровневость процесса чтения, и шире — процесса потребления искусства. *Читатель — фигура комбинированная*. Советское общество в сталинскую эпоху не было только государственно-иерархической системой, хотя, конечно, такого рода системность чрезвычайно важна для анализа советской культуры. Но, может быть, не менее важна реальная *мозаичность* советского социума и то обстоятельство, что общество всегда разделено на определенные культурные страны, каждая из которых потребляла "свою" культуру (в том числе и очень высокую) и эта "своя" культура (литература) выполняла множество различных функций — эскапистскую, социализирующую, компенсаторную, информативную, рекреационную, престижную, эстетическую, эмоциональную и, конечно, специфически советские — агитационно-мобилизующие. Если учесть в этом спектре наложение

разного рода индивидуальных факторов — от образовательного уровня до возможностей и желаний, от случайных знакомств до семейных традиций, картина получится чрезвычайно пестрой. В то же время, есть некоторое культурное пространство, в котором пересекаются эти лучи, — это пространство, определяемое здесь как ситуация чтения. В этой книге мы сосредоточимся на основных силовых линиях, действующих в интересующем нас пространстве чтения.

В той пестрой картине, в той изумительной и страшной социальной турбулентности, что были рождены революцией и ее последствиями, проступает остов определенной системы, в которой действует эффективный для своих функций и в своих социальных границах механизм коллективного существования, взаимодействия и самоидентификации общества. Можно сколько угодно говорить о деформациях и деструктивности этого механизма и этой системы. Но самый факт их существования бесспорен и как таковой должен стать предметом исследования.

Именно в этом качестве проблема читателя обретает множество контекстов методологического свойства. Речь не случайно идет о *контекстах* проблемы. Подходить ли к проблеме читателя со стороны рецептивной эстетики или с точки зрения теоретико-познавательной (герменевтика, феноменология), со структуральной точки зрения или помыслить ее в эмпирико-социологических категориях (социология читательского вкуса и восприятия), с психологической или коммуникативно-теоретической, с семиотической или социально-информативной... Менее всего эта книга посвящена обоснованию (или опровержению) неких сугубо теоретических установок или доказательству преимуществ (или недостатков) тех или иных конкретных методик. Исходной теоретической предпосылкой является для нас лишь вывод об их *дополнительности*. Обращаться к ним приходится лишь в той мере, в какой они помогают увидеть нашу проблематику более объемно, но "работают" они на такую объемность *лишь в комплексе*.

Случайно ли работы, положившие начало функциональному исследованию литературы в 1920-е годы — статьи Ю.Тынянова «О литературной эволюции» и А.Белецкого «Об одной из очередных задач историко-литературной науки (Изучение истории читателя)» начинались с определения статуса историко-литературной науки как таковой? О необходимости вывести историю литературы из "услугения" у библиографии, эстетики, психологии, публицистики после "более века продолжавшихся мытарств" писал Белецкий. О том, что положение истории литературы продолжает оставаться в ряду культурных дисциплин положением колонии, писал Тынянов. Выход из тупика виделся в 1920-е годы в функциональном исследовании историко-литературных явлений. Такое изучение не могло состояться в советский период, что, очевидно, связано со специфической функциональностью литературы в советских условиях. Выйти к функциям литературы значило выйти во внелитературное пространство, в пространство, измеряемое реальными социологи-

ческими категориями, а не только организованное по законам тотальной эстетической доктрины и политико-идеологической инженерии. Этот путь был в советских условиях заблокирован. Но точно так же был заблокирован путь к функциональному исследованию советской литературы и из внесоветского культурного пространства. Вращаясь в узком кругу идеологических орбит, западная советология, равно как и советская эстетика, оперировала набором идеологем, в которых функции литературы в советских условиях были расписаны и сочтены. Оба пути лежали во *внеисторическом* пространстве. Используя тыняновский образ, можно сказать, что история советской литературы в подавляющем большинстве случаев находилась на положении колонии у советской идеологической доктрины (в Советском Союзе) и у советологии (на Западе). Выход из кризиса видится в *историзации* материала, в его расширении и углублении, в *экспансии* истории, наконец.